

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

Середина шестидесятых... Тебе – двадцать и тебе – хорошо. Ты, может этого и не понимаешь, как поймешь потом, что значит жить, когда ты молод, рядом родители с братом; память о страшной войне в народе жива, но не столько реальной сутью конкретного человека, сколько идеологическими вечным огнем и "никто не забыт, ничто не забыто". Ясен и понятен мир, который тебя окружает: люди работают, учатся, отдыхают; жизненные ценности обычного человека выстроены в нерушимом порядке: работа, семья, квартира, автомобиль, дача, летний отдых в Крыму, зимний – в Карпатах, календарные праздники, проведенные с друзьями. Этого хотят почти все, добиваются многие; учишься, работай – и будет, как у всех.

Но вот как и чему учиться, где работать, кем и каким стать – это уж личный выбор каждого. У Саши он оказался безошибочным: большой город, хороший университет и, главное, – физика, которая стала и смыслом и содержанием всей жизни.

Понимал ли это он сам, его близкие, друзья, не знаю, но для меня – подруги его будущей жены, в то время, да и почти тридцать следующих лет, гораздо важнее были Сашины человеческие качества: жизнелюбие, юмор, искренность, невероятная открытость и умение удивляться, радоваться, сопереживать.

Чего нам только тогда не хотелось? Дубленка, джинсы – мечта. Подписка на Хемингуэя, билет в Таганку, томик Лорки – тоже. Поэтический вечер Вознесенского в Политехническом, кассета Окуджавы и Высоцкого, фортепианный концерт Гилельса да, в конце концов, просто очередной номер «Нового мира» с Солженицыным или «Юности» с Аксеновым – все это было нужно; смотрели, слушали, читали и взрослели, выстраивая собственный внутренний мир.

И если друзья нужны были и тут: достать журнал, кассету, сходить на концерт, поделиться прочитанным и увиденным, то для познания окружающего нас мира без друзей обойтись было вообще невозможно.

Вот так и совпало, что мы, две молодые семейные пары среднего достатка, в меру пытливые и неугомонные, решили разнообразить повседневность доступными нам поездками и походами.

Первая произошла в общем-то случайно. В конце 1967 года Саша был на преддипломной практике в Дубне, Света – в Москве, а мы с Юрой, вырастив до 9-ти месяцев наше главное бесценное сокровище – Юльку, уже были изрядно замотаны этим временем кормежек-пеленок, наложенных на его работу и мою учебу. Итак, Юльку – бабушке, кооперативная квартира, взнос на которую годом раньше полностью съел сбережения моих родителей, – продана, мы при деньгах и – в Москву. В гостиницу не устроиться, живем, точнее – ночуем, на частной квартире, а днем и вечерами – музеи, театры, рестораны, магазины.

И вот зимний вечер, снежок, весь в огнях Калининский проспект, идем, глазеем и – лоб в лоб – Света с Сашей. Нам, захлопотанным маленьким ребенком, и до того любая совместная встреча – большая радость, ну а уж тут, в Москве, измерить глубину эмоционального всплеска было невозможно любым, самым фантастическим прибором. Рядом зазывно горит неоновым светом вывеска ресторана "Новоарбатский", сегодня его открытие, как бы специально приуроченное к нашей встрече. Но ливрейный швейцар со скептической ухмылкой посмотрел на Сашин свитер и заявил, что вход только в костюмах. Свитер импортный, подарок Светы из серии дефицита, но, увы, швейцара он не устраивал. Что делать? Бежать, покупать пиджак, сорочку, галстук – ладно, это на крайний случай. А пока пойдем проверенным путем. Левин, в костюме с галстуком, проходит один, уж как-то убеждает метрдотеля (в то время 10 рублей были большие деньги) и мы впущены в храм "разврата". Забыты детали этого вечера, но как сейчас вижу перед собой Сашу, слышу его растерянное: "Ребята, идите без меня" и радостное: "Ну, Юрка, ну, молодец!"

Наша следующая поездка состоялась летом 1968 года после защиты дипломов. Рассказы знакомых о Джубге, невероятной красоте мест, соединивших море, горы, реку и

лес, послужили хорошей рекламой. Едем. Расходы учтены в таком порядке: билеты на поезд туда и на корабль обратно – 50 рублей, хозяйкам за жилье на 10 дней – 50 рублей, вино, пиво, ресторан в Сочи перед отъездом домой – 50 рублей, еда и прочая необходимая организму ерунда – 49 рублей, один рубль – неприкосновенный запас и на билеты на электричку до Игрени, где жили Саша со Светой, и на трамвай нам (в те времена билет на трамвай стоил 3 копейки).

Приезжаем в Туапсе, выходим из поезда, теперь надо на морвокзал. Услужливый таксист рядом: "Ребята, прошу". Саша, усевшись на переднее сидение (кто впереди, тот и платит) объявляет: "На морвокзал". Таксист в ответ: "Пятерка". "Нет вопросов, шеф, вези". Машина делает круг в 300 метров и мы слышим: "Выходите, приехали". Да, веселое начало. Саша удручен, Света смущена, я злюсь, Левин ржет: "Дураков учить надо". Потом погрузились на "Ракету". Красиво, удобно, внизу – бар. Словом, гуляем. Но волнорез закончился, на море качка, я прямиком к борту и корчусь у перил – тут уж не до красот, скорее бы землю почувствовать под ногами. Света, сочувствуя, стоит рядом со мной, а Саша наматывает вокруг нее круги, приставая с вопросами: "А тебя не тошнит, а кофточку дать? "

Наконец остановка – Ольгинка. Кто-то сходит по трапу, я им завидую, но мы плывем дальше до Новомихайловки. Джубга будет после, до нее еще плыть и плыть, но моя зеленая рожа дает понять, что человеку уж очень худо и наше морское путешествие заканчивается в Новомихайловке, оказавшейся чудным местом – ласковое море с песочным пляжем, где дядя Федя жарит полуметровые чебуреки, горная речка с прозрачной водой, хвойно-лиственный лес и огромные плантации грибов. Все почему-то решают, что лучший знаток грибов – Саша, а в результате любой найденный гриб классифицируется им как мухомор, невзирая на цвет шляпки и структуру ножки.

Новомихайловка, Сочи, Адлер – довольные, с парой бутылок портвейна "Агдам" возвращаемся в поезде домой. У Юры в кармане наш общак – 40 коп., а так как на транспортные расходы в Днепре достаточно 36 коп., на вежливое проводницыно – "Чайку, ребята? ", говорим: "Давайте ". Умудренный жизнью Левин (он старше нас на 5 лет) интересуется ценой, и на ответ проводницы – 10 коп., я тут же пытаюсь уточнить – а если без сахара? Оказывается, без сахара не бывает, и, припомнив Саше туапсинского таксиста, мы без чая возвращаемся домой.

Очередная поездка – в Карпаты встретить Новый год, покататься на лыжах. В Днепропетровске 29 декабря проливной дождь. Мы толкаемся в переполненном транспорте с лыжами, вызывая недовольный ропот пассажиров. Билеты на поезд, естественно, заранее не куплены, а в кассе на Львов билетов нет, но есть на Киев. Нормально, едем. Доберемся во Львов из Киева. Утром мы уже в аэропорту Жуляны с билетами, но Львов закрыт по метеоусловиям. Полдня ждем, нервничаем, Новый год на носу и вот – ура! Львов открылся, летим. Час летим, другой, а потом долго ржем, услышав объявление стюардессы: "Из-за неблагоприятных метеоусловий г. Львова наш самолет приземляется на запасном аэродроме в г. Днепропетровске". Тем не менее, все заканчивается благополучно. Новый год, как и планировали, мы встречаем в Ясенях, а потом еще неделю восхищаемся красотами зимних карпатских пейзажей, подогретым вином из громадных бочек прямо у подножия горы, пробуем холодную водку и теплое пиво в деревянных резных тавернах, выслушивая Сашин теоретический курс о правилах катания на параллельных лыжах.

Совершенно необычной оказалась наша поездка на Сорочинскую ярмарку в конце августа 1979 года. Это одна из крупнейших ярмарок Украины с ряжеными, с мастерами, которые на глазах посетителей плели корзины из лозы и делали на гончарном круге макитры и глечики. Жигуленок, подросшие Юлька и Глебушек, гостеприимная Светина тетя Даша, веселый и заводной Микола, которому инспектор ГАИ не смог сделать прокол в техталоне из-за отсутствия места, хлопотунья Галя с пирогами и кулебяками – все такое доброе, родное. А на прощанье – вечер в саду с горилкою, закусками, и "українськими піснями", упоительная украинская речь Андрея Ефимовича – потрясающе красивого седого преподавателя –

филолога и историка, бархатный тембр голоса которого и щемящая музыка шевченковских стихов были завершающим аккордом нашего визита на Полтащину.

Случилось так, что более 20 лет мы жили на расстоянии 20 тысяч километров, периодически встречаясь ненадолго, но годы и другая жизнь не затронули глубины наших чувств, не погасили свет юности.

Не став физиком, позабыв даже азы вузовской науки, я смутно представляла себе смысл Сашиних занятий, но в своем обращении к нему: "профессор" – каждый раз сознательно отдавала дань уважения и восхищения не только как другу, но и как состоявшемуся ученому и специалисту, испытывая при этом радость и гордость за него. Чувствуя себя в обыденной жизни старше и прагматичнее, пыталась иногда поучать, советовать, чаще не столько сама, сколько привлекая мужа. И покупка первого автомобиля, и его ремонт после первой аварии, и вселенские хлопоты, связанные с квартирным ремонтом, и Сашины метания по поводу профессиональной карьеры сына – всё это вызывало во мне желание опекать и помогать. Именно поэтому особенно запомнилось то чувство гордости за него, когда, возвращаясь в поезде из Феодосии в конце сентября после недельного восхитительного отдыха, мы оказались в одном купе с молодым человеком, выпускником ДГУ, который буквально изменился в лице, узнав, что его попутчик – сам Капустников.

Вот уже год, как Саши нет с нами. Он ушел, унеся с собой часть нашей юности и жизни, и уже как-то иначе без него придется доживать свою старость. Но в любое время года по поводу, с ним связанному и без такового, я помню и люблю Сашу – нежного и заботливого мужа моей подруги, большого юморного ребенка, способного удивляться и задавать вопросы, будучи при этом уважаемым ученым, верного, надежного друга, так любившего жизнь и людей.

25 апреля 2004 г.

Серебряная (Левина) Лариса